

18+

ЕЛЕНА ВОЗДВИЖЕНСКАЯ

АМИНЬ

Елена Воздвиженская

АМИНЬ

«Издательские решения»

Воздвиженская Е.

Аминь / Е. Воздвиженская — «Издательские решения»,

Кардиолог Егор Андреевич живёт обычной жизнью — семья, работа, насущные проблемы. Но однажды в его отделение попадает необычный пациент. Степан Афанасьевич не просто хворый дедушка, он знахарь. Именно его слова заставляют доктора задуматься — а действительно ли он живёт своей жизнью? Какие тайны скрывает его жена Тамара? И где проходит та грань между наукой и древними знаниями человечества, что разделила судьбу Егора на до и после?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Аминь

Елена Воздвиженская

Дизайнер обложки Мария Дубинина

© Елена Воздвиженская, 2026

© Мария Дубинина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-7490-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

— А что у всех бабонек раз в месяц бывает, на то и сделано тебе, Егор Андреич, — дедок с седой бородкой, сухонький и жилистый, сидел на кровати, свесив ноги в растоптанных тапках, и смотрел на врача пристальным взглядом пронзительно-голубых глаз. Видно было, что лет ему уже немало, однако же, выглядел старик ещё довольно бодро. Для своего возраста и вовсе держался молодцом. А исполнилось Степану Афанасьевичу на этой неделе уже восемьдесят девять лет. В тот день с утра пораньше, ещё до обхода, к нему в одноместную палату, на которой настоял его сын, оплатив пребывание сразу на десять дней, пришла целая толпа (и как только вахтёр пропустил?). Сын со снохой и внуки с правнуками чуть ли не на цыпочках, чтобы не нарушать порядок отделения, прокрались в палату, и тут уже начался весёлый гомон — разговоры, смех, обнимания да целования. Все разом заговорили, шикая друг на друга, мол, тише, не то выгонят. Степана Афанасьевича поздравляли с днём рождения и желали всяческих благ, нажелали столько, сколько и на десятерых человек с лихвой бы хватило. Дед, довольный вниманием и заботой, сидел на постели, принимая пожелания, и светился, что медный самовар, хотя для виду держал сурьёзный вид и соблюдал манеры.

— Ну, чаво разгомонились-то? И тут от вас покою нет. Вот чичас доктор придёт, заругается! — сурово молвил он.

Но близкие знали, что дед ворчит лишь для проформы, а на самом деле это святой человек, что ни мухи зазря не пришлёт, ни травинки не стопчет, а потому лезли к нему смело с поцелуями и объятиями. Степан же Афанасьевич, лаская маленьких правнуков, отмахивался от детей и внуков.

— Ступайте ужо, обход скоро. И начто вообще меня сюды уклали? Ничего у меня не болит, сам лечусь своими травками всю жись.

— Знаем, папа, — ответил сын, седовласый деловой мужчина лет пятидесяти с небольшим, — Ты у нас молодец, но всё-таки сердечко подлечить не помешает. Отдохни немного, ну чего ты, право, как маленький? Оглянуться не успеешь, как уже снова дома будешь.

— Эх, — вздохнул дед, — На болотине огневица зацвела надясь, собрать надобно успеть, а я туточки прохлаждаюсь. Одно расстройство. Уж какое тут лечение. Ну, всё, всё, ступайте, скоро Егор Андреич придёт, он шибко сердитый, а вы тут, ей-Богу, как цыгане, всем табором набились в палату, гомоните, что голуби, только что не дрищете.

Все ещё по разу обцеловали деда и направились к выходу.

— Спасибо, что навестили! — напоследок всё ж таки смиростивился он, обтирая бороду, — Ишь чаво, намуслякали-то всего.

— С днём рождения! — прозвучало в последний раз, и гости исчезли за дверью.

Палата опустела и дед выдохнул, а после расцвёл довольной улыбкой. От шумных гостей на столе, по которому прыгали солнечные зайчики, остались стоять огромный торт, две коробки яблочного сока, фрукты, большая самодельная открытка (правнуки постарались!) и огромная тарелка мантов, ещё дымящихся паром и присыпанных обильно зеленью (это уж сношенька любимая порадовала). Под потолком игриво качался в потоке свежего воздуха, приносимым из приоткрытого окна, воздушный шарик. Степан Афанасьевич распахнул окно пошире, вдохнул всей грудью, наслаждаясь хвойным духом — больница стояла посреди парка — и поспешил вдруг к тумбочке. Пошарив там, он вынул из пакета горсть орехов, и вернулся к окну. Тут же на подоконник прыгнула с ветки ближайшей ели белка.

— Ишь, какая смелая! Совсем, как у меня дома, в нашем Рогозинском лесу, — умилился дед, протягивая орешки, — Ну, ешь, ешь, давай, угощайся. А то нанесли мне на три жизни вперёд. Нешто я столько съем?

Степан Афанасьевич

Степан Афанасьевич родом был из села Рогозино, где прожил всю свою жизнь. Оттуда ушёл он двадцатилетним парнем на фронт в 43-м. Туда вернулся с Победой в июне 45-го. Там же, в Рогозино, женился на хорошей девушке Клавдии, с которой дружил ещё до войны, построил дом, посадил не одно дерево, а целый колхозный сад. Всё ладно. Только вот детей им Бог дал всего двоих, а он мечтал, чтобы полон дом был ребятишек. Да и то ладно — и сын, и дочь есть — комплект, как говорится. Только дочка Анютка — остроглазая и курносая рыжуха недолго прожила на этом свете. Сгорела от болезни, которую тогда не умели ещё лечить, когда ей было восемь. Только-только второй класс окончила. Умница, отличница. Вот тогда-то, от горя и запил, было, Степан. И допился до того, что однажды увидел чертей, которые нагло посмеивались и манили его к себе, указывая на болтающуюся под потолком петлю. Спас его дед Микола, которого уж лет тридцать к тому времени в живых не было. Увидел Степан его как наяву. А оплеуха, отвешенная им, таким жаром отозвалась на лице, что дня три ещё после того лицо горело и до скулы было больно дотронуться. Дед чертей шугнул, да те и сами в его присутствии как-то смутились и быстро растаяли, а внуку своему сказал так:

— Ты чего ж это удумал, сучий ты потрох? Нешто для того ты с войны живым вернулся, чтобы теперича в петлю лезть? А то, что Анютку забрали, так тому быть судьба. Плата это. Дар у нас передаётся по роду, по мужской линии. Кто его дал и за что — того не ведаю, идёт он из глубины веков. Через каждое поколение переходит. Я им владел. Отец твой только перенёс для тебя, сына, сам ничего не умел, не знал. А тебе снова им владеть. А за этот дар берут с нас плату — одного наследника забирают. Ничего бы ты не сделал, не вини себя.

— Да на кой мне этот дар? — хрипел с жаром Степан, стуча себя по груди кулаком, — Вот здесь, здесь всё горит, мочи нет!

— А ты что же, думал, мы по своей воле детей хороним? — вскипел дед Микола, — Кабы могли, давно бы отказались. Да не в нашей власти это — решать обладать силой или нет. Так что крепись. Надо жить. Самое страшное уже случилось, а теперь начнёшь работать мало-помалу. Знания сами потекут. Будешь понимать, что кому ответить, чем полечить. Травы опять же ведать станешь, слышать всякое... Ничего. Привыкнешь. Поначалу только страшно.

— Это что же я, знахарем что ли заделаюсь?

— Знахарем — не знахарем, а особый человек будешь отныне. Люди к тебе поедут. Никому не отказывай и платы никогда не назначай. Иначе плохо будет. От того, что принесут — не отказывайся, не обижай людей. А жить хорошо станешь. Горе ты уже пережил. За всё расплатился с лихвою. Ну, а теперь бывай, внучок. Дальше всё у тебя хорошо будет.

Как сказал дед в том видении (или ж наяву всё было?), так и случилось. Степан Афанасьевич, а тогда ещё просто Степан стал ведающим. Поначалу смотрели на него односельчане, как на дурачка. Жалели даже. Мол, такое пережили Стёпка с женой, немудрено и умом тронуться. А после стали подмечать, что вовсе и не блажь он несёт, а всё с толком выходит. То одному подскажет, чем спину полечить, то другого упредит, чтобы завтра дома не покидал, не то пожару быть, то третьему совет даст, где избу ставить или колодец копать. А после и потянулись в дом Степана вереницей страждущие. Степан наказ деда помнил, блюл. Денег за помощь не брал, от гостинца не отказывался. Так и дожил до своих лет. А вот теперь стало у него сердечко барахлить. Видать, срок его пришёл. У каждого он есть на этом свете. Никто ещё вечно не жил. А сын, вишь, засуетился — ложись в больницу, да ложись в больницу. Кардиолога, де, тебе лучшего нашёл. К нему в отделение и ляжешь. До того замучил, что махнул Степан Афанасьевич рукой — везите, только отстаньте. Жену Клавдию похоронил он пять лет назад, жил теперь один. Сын и внуки — в городе. На выходные приезжают, пособить где что, да он и сам со всем справляется неплохо. Лады, полежит, полечится с десяток дён, не убудет с

него, а после домой скорее — на волю, на широкие просторы. Душно ему туточки, в бетонных палатах, в бездушных стенах. Дома-то всё живое — дерево кругом дышит, в холод греет, в жару холодит. Печка русская до сих пор на пол избы стоит. Газ-то, он, конечно, провёл в избу, но пользовал только изредка, да и то для плиты, когда побыстрее воды нагреть требовалось или ещё чего. В остальное время — только печь. В ней и готовил, возле неё и травы-коренья сушил, на ней и немочи свои лечил. Вот вернётся домой, так надо будет подлатать маненько матушку — щель пошла по правой стороне до самого подпечка.

И вот на сегодня шёл уже восьмой день пребывания Степана Афанасьевича в кардиологическом отделении городской больницы. Скоро и домой. И дед, сидя на постели, задумался о своём докторе Егоре Андреиче. То, что у него с душой нелады, это он сразу подметил, в первый же день. Шёл у доктора полнейший разлад между сердцем и головой. Не своей он жизнью жил, а навязанной. А позади доктора, когда бы он не вошёл в палату, маячила зыбкая серая тень той, кто всё это и навела.

— Присуха на тебе, Егор Андреич, — решился однажды сказать дед врачу о том, что видит.

Тот поднял брови под самую белую шапочку:

— Что, простите?

— Присуха, баю, на тебе, мил человек.

— Это что же такое? — доктор смутился услышав смутно знакомое слово, слышанное ещё в детстве у бабки в деревне, когда те шептались со старухами-подружками промеж собой.

— Колдовство это, вот что. И давненько уж ты эдак живёшь, лямку тянешь, — дед сощурился, — Лет пятнадцать уж. Кой-кто хочет, чтобы ты по чужим правилам жил. Твою-то собственную жизнь всю закрыли.

Егор Андреич повёл плечом.

— Ну что вы такое говорите, Степан Афанасьевич, ей-Богу? Какие ещё присухи? — доктор протёр лоб, неловко откашлялся, — Я к вам с новостями про ваши анализы.

— Да погоди ты с анализами-то, — отмахнулся дед, — Успеется. Ты вот что скажи, Егор Андреич, как луна молодая становится, что серпик, тяжелее всего бывает на сердце-то, верно? В остальное время привык уже за пятнадцать лет, знаю.

Доктор покраснел, словно дед сейчас подглядел нечто постыдное за ним.

— Степан Афанасьевич, давайте закончим эту беседу!

— А мы её ещё и не начинали. Да и знал я, что иначе ты и не ответишь. Тебе ж своим умом-то жить не дают. У тебя и ноги и руки путами окружены. Как марионетка ты, понимаешь? За какую струну потянут, так и плясать станешь.

— Вовсе не поэтому, — возразил врач, — Я человек науки и в подобные глупости не вер

— Если бы то глупости были, — вздохнул Степан Афанасьевич, — Не было бы на свете столько несчастных людей, кто вдвоём одинок. Жаль мне тебя, потому и решился без спросу влезть. Обычно-то люди ко мне сами за этим делом идут. Хороший ты человек, Егор Андреич, береги себя.

Егор Андреич молча вышел из палаты. Бледная, как моль, тень метнулась за ним, поплыв за его спиной, а Степан Афанасьевич, задумчиво поглаживая бородку, подошёл к окну и беззвучно что-то зашептал.

Глава 2

Странный он был, этот дедок из его палаты номер восемь на третьем этаже обычной городской больницы, коих много есть на белом свете. Доктор Егор Андреич ехал за рулём своего автомобиля по оживлённой улице, и из головы его никак не шёл вчерашний разговор. Что он там ему сказал? Порча? А, присуха, да... Это вроде как приворот, насколько он понимал. В детстве Егор слышал от своей бабки всяческие рассказы на этот счёт, передаваемые деревенскими кумушками друг дружке на вечерних посиделках. Да ведь это всё лишь байки, разве бывает такое на самом деле в нашем цивилизованном прогрессивном мире? Ерунда. Блажит дед. Возраст почтенный уже, немудрено. Егор Андреич остановился на светофоре и прибавил громкость магнитолы.

— И немного ностальгических ноток из прошлого, — закончил фразу ведущий, а следом тут же зазвучала музыка.

Егор Андреич вздрогнул от совпадения, ведь именно сейчас он думал о той, с кем так неразрывно была связана эта песня. Точнее же сказать — он никогда не забывал о ней.

— *Такое бывает на свете*

Чужая судьба не по ноше,

А помнишь, мой друг, наше лето?

Ах, сколько в нём было дорожек...

Егор Андреич отстукивал пальцами по рулю в такт музыке, напевая строчки почти двадцатилетней давности, и незаметно для себя погрузился в воспоминания...

Егор Андреевич

Сейчас Егор Андреич был уважаемым доктором, с приличным стажем работы и богатым опытом ведения самых сложных пациентов. Его ценили коллеги, прислушиваясь к его мнению и советуясь с ним в различных ситуациях. К нему направляли студентов медицинского вуза, потому что он, как никто иной умел легко и доходчиво говорить о самых непростых вещах, доносить информацию до юных умов так, что будущие врачи усваивали её, если не с первого, то со второго раза точно. По нему вздыхали молодые медсёстры, когда Егор Андреич своим бархатным, негромким голосом который сам по себе уже являл терапевтический эффект и благотворное влияние на пациентов, отдавал распоряжения насчёт лечения больных. Когда он шёл по отделению — высокий, плечистый, светловолосый, приветствуя своих пациентов и коллег мягким светом тёплых серых глаз — начинали улыбаться даже старушки, кивая вслед доктору и вздыхая, вспоминали о чём-то далёком, ушедшем, но неизменно трепетном и настоящем, таком, что не повторяется в жизни дважды. Как там говорится в строчках у поэта? «Мы в жизни любим только раз, а после ищем лишь похожих».

Нельзя было сказать, что Егор Андреич был красавцем, если рассуждать об идеалах и общепринятых стандартах. У него имелись залысины и небольшая сутулость, присущая почти всем высоким людям. Но было в нём нечто большее, чем красота внешняя, хотя он и был в целом недурен собой. Некая сила добра — древняя, истинная, неизменная, текла в нём, касаясь волнами каждого, кто хоть раз соприкоснулся с ним, обогревая, утешая и вселяя надежду. Ему на роду написано было стать врачом, в этом нашёл он истинное своё призвание, находясь вне всяких сомнений на своём месте. Даже если он уставал, то ни разу не позволил себе поднять голос на собеседника, который многократно переспрашивал или что-то не дослышал (как это часто бывает с пациентами), кто обращался к нему во внеурочное время или даже не по вопросам его компетенции. Так уж был устроен этот человек, что не мог отказать нуждающемуся,

это был благородный рыцарь, случайно оказавшийся не в своей временной эпохе. Но когда-то, двадцать лет назад, был Егор Андреич худеньким долговязым мальчишкой — студентом медицинского вуза, полным восхищения перед миром медицины и врачевания, открывшемся его уму в университете через почтенных седовласых профессоров и доцентов. Егор учился на отлично, ночами просиживая над учебниками, атласами и дополнительной литературой. Его жадному пытливому разуму всегда было мало той духовной пищи, которую он получал. И потому он непрестанно искал насыщения в трудах великих учёных (для чего самостоятельно изучил два иностранных языка), в изречениях древних философов, в произведениях великих писателей и поэтов. Ему нравилась астрономия, и он приобрёл дешёвенький телескоп, какой смог приобрести на стипендию, копив почти полтора года, и в ясные ночи наблюдал за движением светил. В общем, был Егор Андреич юношей возвышенным, немного не от мира сего, хотя и не чуждым весёлым студенческим компаниям. Ему удивительным образом удавалось совмещать и успевать всё. Наверное, потому, что всё, что бы он ни делал, он делал с любовью.

В то лето его, студента почти уже пятого курса, направили для прохождения практики в уютный, маленький городок, в нескольких часах езды от родного города. На месте Егора встретили тепло, предоставили комнату для проживания, а точнее — просто крохотную одноместную палату, не занятую пока никем в связи с проводившимся в ней ремонтом. Ремонт на время проживания студента был приостановлен, а Егор, и без того не привыкший к роскоши (его и младшую сестрёнку мама воспитывала одна, отец умер совсем молодым), а в силу своего склада характера и вовсе не замечавший неудобств, разместился вполне себе с комфортом. Потекли дни практики, полные новых знакомств, интересных событий, неожиданных поворотов. Больница, куда попал по распределению кафедры Егор, была районной, и, следовательно, в неё везли пациентов со всей округи. Случаи попадались весьма и весьма любопытные. А более того, поражала Егора тактика врачей, которые в условиях весьма скудной обеспеченности препаратами и оборудованием делали невероятные вещи. Складывали раздробленные кости при переломах конечностей, ювелирно сшивали раны, выводили из статусов и приступов хроников, оперировали и ампутировали. Словом, жизнь здесь была насыщенной и нескучной. И хотя приехал Егор по одному профилю, однако же, его радушно провели по всем отделениям больницы, уделяя на каждое, как минимум по паре дежурств. Егор вёл дневник практики, писал отчёты, курировал под руководством наставника Валерия Константиновича двух собственных пациентов, а ещё, по заведённой привычке ежедневно записывал события в личный дневник.

В то утро Егора отправили с поступившим по скорой пациентом в рентген-кабинет, чтобы лично проконтролировать процесс и немедленно получить снимок на руки, а затем доставить его Валерию Константиновичу для определения дальнейшей тактики. И едва Егор бодрым шагом переступил порог кабинета и завёл пациента, как обомлел. Перед большим окном, вся осиянная ярким летним солнцем, стояла она — юное милое создание, принцесса из средневековых крепостей. Она быстро обернулась и, смутившись, поправила белую шапочку и прядь волос, выбившихся из-под неё, схватила за чем-то со стола учётный журнал, положила обратно, потом поправила и без того строгий и отнюдь не короткий халат, и произнесла:

— Здравствуйте, слушаю вас!

— Здравствуй... те, — произнёс Егор, — Нам нужно посмотреть нашего пациента, вот направление к вам, снимок, пожалуйста, сразу.

— Да, конечно, — медсестра быстро взяла направление из рук Егора, не сводящего глаз с хрупкой, точёной фигурки, которой было бы самое место где-нибудь на подиуме, а не в стенах больницы провинциального городка, и заполнила журнал, а затем обернулась к пациенту, — Проходите, пожалуйста вот в эту дверь. Мы сделаем снимок, а потом вам нужно будет совсем немного подождать, и наш врач Марат Данилович сделает описание. Потерпите? Как вы себя чувствуете?

Егор не знал, как чувствовал себя больной, наверное, не очень, судя по тому, что под вопросом стоял перелом плечевой кости, но сам он чувствовал себя откровенно неважно. Его бросало то в жар, то в холод. Всегда красноречивый и не знающий смущения, сейчас он попал в некий ступор, язык его не слушался, он заикался, краснел. Наконец, разозлившись сам на себя, он взял-таки себя в руки, и кое-как объяснившись с Маратом Даниловичем, получил снимок и вышел со своим пациентом из кабинета под любопытным взглядом больших зелёных глаз прекрасного неземного создания. А в тот же вечер, придумав какой-то совершенно глупейший предлог, он снова стоял на пороге заветного кабинета. Оказалось, что эфемерное создание, зовётся Юлией, а ещё её рабочий день уже окончен и, если Егор не против, то они могут прогуляться в парке, что располагался прямо рядом с больницей. Егор, конечно же, был не против. Они говорили обо всём на свете, смеялись, и им казалось, что они были знакомы всегда, просто однажды их разлучили, а вот теперь они встретились. Егор был очарован начитанной, умной девушкой. И в тот же вечер в его личном дневнике появилась запись: «Кажется я влюбился. Впервые в жизни». Потекли дни, полные новых эмоций, радости и чего-то неизведанного, светлого, тёплого и окрыляющего. Наверное, это и зовётся земной любовью, о которой сложено так много песен и романов, стихов и цитат, но которая никогда не сможет полностью отразить в них свою глубину, потому что нет таких красок и слов на земле, что смогли бы воспеть её достойно. Ибо любовь есть великая тайна. И настоящее чувство приходит лишь раз в жизни, а всё остальное является лишь утешением, попыткой найти, отыскать то ясное, забытое, светлое, утерянное...

Егор в силу ответственности и характера не стал, конечно же, хуже выполнять свои обязанности практиканта, однако же, мысли его заняты были Юлией. В ней он нашёл свой идеал, так гармонично сочетались в ней внешность и склад характера, что он решительно не мог найти в ней хоть одной черты, что расстроила бы его, разочаровала или оттолкнула. Всё в ней было родным, близким, желанным. В один из дней он решился и поцеловал девушку в том самом кабинете, где они впервые встретились. Получилось неловко и неумело, но это было неважно. Совсем. Важно было то, что две души нашли друг друга сквозь вереницу веков и звёздной пыли, сквозь столетия разлук и пустоты. Ведь души влюблённых уже были однажды вместе на этой планете, оттого и тоскуют так их сердца друг без друга. Оттого и так радостна бывает встреча в новой жизни, когда они вновь находят друг друга на большой планете. Не всем выпадает такая удача и часто бывает так, что проживает душа одиноко всю свою земную жизнь — не с тем, не с той. Егор и Юлия понимали один другого с полуслова, один начинал фразу, а другой заканчивал её. Она переписывала в свой блокнот цитаты философов из его записной книжки, а он мог часами слушать её описания того или иного события, рассуждения по поводу каких-либо открытий, исторических фактов и прочего. Они были ровесниками, и многое сближало их. Вскоре их отношения замечены были коллегами и про них стали шептаться. «Какая красивая пара!» — слышалось то тут, то там. «Это судьба, они созданы друг для друга» — говорили другие. «Не теряйте друг друга, ребята!» — вздыхая о чём-то своём, наставляли их пожилые коллеги, которые знали о жизни поболее молодых. Но всё однажды закачивается. Вот и Егору пришло время уезжать в свой город. На удивление они расставались легко, зная, что судьба не позволит им разлучиться навсегда. Они обещали писать друг другу письма и звонить, и, конечно же, непременно встретиться в скором времени.

Глава 3

Егор Андреич занял своё место на парковке возле больницы (тут у каждого сотрудника было «свое» негласное место), и направился к главному входу. Сегодня ему предстоит ночное дежурство, а на завтрашний день нужно будет подготовить выписки по историям болезней тех пациентов, которых после утреннего обхода он отпустит домой. Среди этих людей будет и Степан Афанасьевич, удивительный и чудаковатый старичок из палаты номер восемь. Егор Андреич хотел, было, снова усмехнуться дедовым причудам про порчу, да отчего-то ухмылка вышла не насмешливая, а какая-то жалкая. И Егор Андреич даже знал почему. Себе-то врать бессмысленно, чего уж там. Он прекрасно понимал, что их семья с Тamarой — одна лишь видимость счастливого брака, на самом же деле счастье давно покинуло стены их дома. Счастье? Было ли оно? Или так — один мираж, иллюзия, в которую так приятно было верить?

— Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад, — процитировал мысленно Егор Андреич великого классика и вновь горько усмехнулся.

Невольно взгляд его скользнул по окнам девятиэтажного здания, за угол которого ему предстояло завернуть, чтобы оказаться у главного входа. Отделение кардиологии располагалось на третьем этаже, и в одном из окон Егор Андреич разглядел знакомую фигуру. Это был Степан Афанасьевич. Он пристально смотрел на него и Егор Андреич даже как-то смутился. Он поспешно кивнул, и дед ответил ему тем же, а затем окно скрылось за густой листвой деревьев, в изобилии росших здесь. Степан Афанасьевич отошёл от окна и покачал головой, присев на кровать. Сейчас он убедился, что ему не показалось, и он не ошибся в отношении врача — при ясном свете летнего дня Степан Афанасьевич только что снова разглядел ту самую тень, которую видел за спиной доктора и здесь, в отделении. Значит, ему не почудилось, не подвела его интуиция. Всё так и есть — за Егором Андреичем ходит по пятам лярва, что высасывает из мужчины все силы, и идёт это уже давно. Будь на месте Егора Андреича человек послабее духом, уже помер бы (причём вряд ли своей смертью), или же спился. Такое дело, что над ним совершенно, бесследно не проходит. Но Егор Андреич ничего, держится пока ещё. Пока. Ключевое слово. Степан Афанасьевич потеребил бороду:

— Силы-то не бесконечны, ресурсы подходят к концу. Спасать тебя надо, мил человек. Иначе труба дело.

Лярвы, те, что, так скажем, природные, долго не живут — одни отмирают, рассасываются, истончаясь, другие же вновь нарождаются из всяческого зла да негатива. А вот те, которых человеку насильно подсаживают, живут, как правило, долго, могут и десятилетиями, ежели хозяин крепкий попадётся. Питаются его соками, набираются сил, становятся всё наглее и прожорливее. С каждым днём пищи им всё сильнее не хватает, и они начинают требовать от хозяина утроенной кормёжки.

— А что для них пища? — поднял палец вверх Степан Афанасьевич, рассуждая сам с собою по заведённой привычке, благо в палате он лежал один, и не мог никому показаться странным, — Правильно — самые, что ни на есть грубые чувства и низменные желания. Всё самое мерзкое, такое, о чём и самому себе наедине стыдно бывает признаться. А Егору Андреичу подарили такого подселенца, «благодаря» той самой присухе, когда очередная умница-разумница, думающая, что познала всё и вся, и теперь может пользоваться магией без опаски, решила, что ей подвластны силы тьмы и принялась мутить воду и раскидывать по белу свету направо и налево свои «кудеса».

— Тьфу ты! — Степан Афанасьевич аж сплюнул в сердцах, уж больно строг он был к таким профурсеткам и спуску им не давал, но тут же опомнился и, охнув, вынул из упаковки салфетку и протёр пол.

— Простите дурака старого, — поклонился старик стенам, пусть и больничным, но тоже живым и покровительствующим людям, что здесь находились, — Обидел вас. Спасибо вам за всё. Завтра уж я и домой отбуду. Вот... не удержался, уж простите, осерчал.

Словно вздох — лёгкий, похожий на сквознячок — пролетел по палате. Старик довольно улыбнулся — простил его дом. А как же? Коли тут живут люди, хоть и каждый понемногу, то это тоже вроде дома выходит. И свои духи тут мало-помалу обживаются — и тёмные и светлые. Тем паче место-то какое, сколько тут боли... Лярвам самое хлебное обиталище тут. Ну ничего, авось сумеет он Егора Андреича на ум-разум наставить, а там уж сам пуцай решает — хочет он исцелиться, да глаза раскрыть или и дальше согласен тянуть лямку чужого присутствия и послушания чужой злой воле. Жизнь-то одна нам дана. А Егору Андреичу явно за сорок перевалило, некогда уже ждать да раскачиваться, пора и жить начинать. По-настоящему. Нынче днём его не было в отделении, а тут вот — идёт. Значит, в ночь дежурить станет. Ну, вот и постарается Степан Афанасьевич его подловить. По-крайней мере он свою миссию выполнит — и домой, в родное Rogozino, с чистой совестью уедет. Он не промолчал. А Егор Андреич уж сам пусть думает, чай, не совсем ещё лярва мозги-то ему проела, соображает как-никак, раз врачом работает.

— Как знать, как знать, глядишь, и insult его скосит, — зашептал над ухом деда противный вкрадчивый голосок, — Паралич разобьёт.

— П-шли отседова! — дед смахнул рукой с плеча невидимую «муху», — Ишь, ужо услышали мысли мои, слетелись, одно слово — ляр-р-рвы.

И Степан Афанасьевич прошептал:

— Яви, матушка Макошь, рожаница, Сварога родная сестрица, силу свою. Промеж мною да вами, псы чёрные, стена нерушимая. Оградит она меня от глаза дурного, от слова худого, от ночи тёмной, от нечисти лютой. Что речено, то и будет.

По палате заматались едва различимые чёрные перья и вышмыгнули в вентиляцию под потолком.

— То-то же, — заключил дед, — Неча к добрым людям лезть.

Вечер выдался богатым на события — машины с синими проблесковыми маячками везли сегодня людей одного за другим, заруливая во двор больницы с тревожным воем. Только ближе к полуночи напряжение немного спало, и суeta улеглась. Но Егор Андреич знал, что это временное явление — к двум часам утра всё начнётся снова, самое суетное время у медиков. Вспомнилось почему-то детство и деревня, бабушка называла это время, с полуночи и до трёх утра, ведьминым часом. Вроде как противовес времени Христову, страданиям Его на кресте — с полудня до трёх часов дня. Егор Андреич поднялся в отделение и, войдя в свой кабинет, поставил чайник, чтобы выпить растворимый кофе. Если успеет, конечно. Он потёр уставшие глаза — в них словно песку насыпали. Что ж, в медицине легко не бывает, сам выбирал профессию. И ни разу, в общем-то, не пожалел. Были времена, когда приходилось трудиться за сущие копейки, таксовать по ночам, чтобы свести концы с концами. Но эти дни минули. Сейчас, с реформами, врачи получали вполне прилично, если брать дежурства получалась хорошая сумма в конце месяца. Среднему персоналу было, конечно, сложнее, тут в основном держались одни фанаты своего дела, либо же приходилось дневать и ночевать на работе. Но когда же тогда жить?

Егор Андреич плеснул в чашку кипятку, засыпал содержимое пакетика, добавил сухих сливок из стоявшей в шкафу банки, пару ложек сахара, и присел за стол. Ноги гудели. Набегался он уже за вечер знатно, а впереди ещё ночь. Да и вообще, что-то в последнее время, здоровье шалило. Порой прихватывало сердце. Он усмехнулся — сапожник без сапог. Надо бы хоть ЭКГ снять, анализы сдать. Да всё как-то не до того. Он отпил из чашки кофе и задумался, глядя в тёмное окно, за которым качались деревья, словно тоже жалуясь на свою долю — ночь

выдалась ветреная, пахло близким дождём, на горизонте небо освещалось всполохами, приближалась гроза. А у Егора Андреича перед глазами было далёкое солнечное лето. Когда он вернулся домой, сдав дневники и отчёты по практике, то все оставшиеся каникулы провёл, не помня себя. Он писал Юлечке длинные письма почти каждый день, а в ответ находил в почтовом ящике пухлые конверты, которые долго держал в руках, перед тем, как открыть, улыбаясь от волнительного предвкушения. В своей переписке они вели долгие беседы обо всём на свете, а Юлия прикладывала к письму ещё и свои рисунки, которые получались весьма красивыми, хотя девушка и не училась художественному мастерству, она просто умела видеть мир под особым углом, своим особым зрением, и потому мир открывался ей всеми своими гранями, щедро одаря эмоциями и любовью к жизни. Помимо писем молодые люди ещё и звонили друг другу, и тут их темы для разговоров также не иссякали. Они говорили, и не могли наговориться. Внезапно в одном из писем Юлия сообщила, что тоже хочет поступать в медицинский, и уже готова к отъезду в другой город. Егор обрадовался новости, пока не узнал, что Юлия планирует учиться не в его родном городе, а совсем в ином, и теперь расстояние между ними станет ещё больше. Поначалу это расстроило его, но рассуждая справедливо, он понимал, что девушка приводит вполне разумные доводы, почему она сделала выбор в пользу именно того вуза, и он решил, что всячески поддержит её в этом шаге. В конце августа Юлия написала, что уже уволилась из больницы и поселилась на съёмной квартире. Экзамены были сданы. Она не говорила о них Егору раньше времени, хотела устроить сюрприз. И в сентябре начиналась её учёба в медицинском вузе.

Глава 4

По стеклу ударили первые капли дождя и по кабинету пробежал лёгкий ветерок, проникший в чуть приоткрытое окно, зашелестел бумагами на столе, взъерошил перекидной календарь на стене, принесённый вездесущими промоутерами, коснулся прохладной ладонью горячего лба Егора Андреича. Он с задумчивым видом смотрел на телефон, стоявший на столе. Тот молчал, значит, пока не привезли никого, кто был бы по его «сердечной» части и можно допить кофе, не торопясь и не обжигаясь, а с удовольствием. Хотя, сложно было сказать — ощущает ли мужчина вообще какой-то вкус, испытывает ли в данный момент какие-то эмоции — взгляд его был отрешён и безучастен. Громыкнуло совсем близко, где-то над крышей здания, молния рассветила небо, располозовав его надвое, словно хирург плоть остро отточенным скальпелем, но Егор Андреич даже не повёл ухом. Он отхлебнул кофе и откинулся на спинку кресла.

В какой момент случилось так, что Юля вдруг к нему охладела? Стала какой-то иной, чем всегда, далёкой, непривычно строгой и печальной. Случилось это уже тогда, когда наступило предзимье, и по утрам лужи во дворе сковывало хрусткой корочкой льда.

— Это, наверное, из-за учёбы, — думал двадцатилетний Егор. Уж кому, как не ему отлично было известно, что такое жизнь студента-медика! Наверняка, Юлия вливается в коллектив, в новый распорядок дня, обретает новые знакомства. Знакомства... Они-то и волновали Егора больше всего. Он здесь — она там, на расстоянии почти пятисот километров друг от друга. А ведь Юлия такая красивая, такая хрупкая, похожая на фарфоровую балерину, что стояла у них дома на этажерке, такая замечательная собеседница, рассудительная и умная, немудрено, что на неё там заглядываются молодые люди, а может и не очень молодые. При мысли об этом у Егора сжимались кулаки и начинали ходить желваки. А что он может? Ему ещё целый год учиться в университете. Да ещё мама...

Однажды, мать, от внимания которой, конечно же, не ускользнуло новое состояние сына, в котором он пребывал, завела с ним вечером разговор на кухне.

— Егор, как дела с учёбой?

— Всё отлично, мам, как всегда. Не переживай.

Мать возилась возле раковины, нарочито долго намыливая руки, перед тем, как накрыть на стол. Сестрёнка Вика, ученица одиннадцатого класса, заканчивала резать салат, попутно переписываясь с кем-то в телефоне.

— Как же не переживать? — мать нервно повела плечом, — Ты какой-то сам не свой, как вернулся с этой практики.

Егор улыбнулся, что ж, видимо, пора рассказать маме о его сердечных делах.

— Я с девушкой познакомился, мам. Её зовут Юлия.

— Вот оно что? — мать развернулась к нему лицом, удивлённо приподняла одну бровь, — Что же она, студентка из вашего университета?

— Ну-у... не совсем, мам. Она медсестра.

— Медсестра-а-а? — протянула женщина, вытирая руки о передник, и берясь за поварёшку, чтобы разлить по тарелкам суп.

Вика отложила телефон и с интересом прислушалась к диалогу.

— А что такого, мам? — не понял Егор.

— Ты будущий врач! — отчеканила мать, поджав губы, — И не по рангу тебе связываться с медсёстрами.

— Мама, ты ведь и сама медсестра, — рассмеялся парень.

Но этот смех, кажется, лишь сильнее разозлил мать, раззадорил. Она нервно стукнула поварёшкой о стенку кастрюли, гневно глянула на сына:

— А что ты смеёшься, я не пойму? Мы, между прочим, о серьёзных вещах сейчас говорим. Да! Я — медсестра! И именно поэтому я знаю, что говорю! Не ровня она тебе! Всяк сверчок знай свой шесток. Ты достоин лучшего! Не для того я тебя учу, стараюсь изо всех сил, тяну ляжку. Одна! Мне вон ещё в этом году Викторию устраивать на учёбу. В люди вас вывести хочу, чтобы не горбатились всю жизнь вот как я, за копейки.

Женщина всхлипнула, она знала, на что давить.

— Ма-а-ама, — протянул миролюбиво Егор, — Ну, что ты завелась? Я прекрасно знаю, что ты желаешь мне самого лучшего. Поэтому и позволь мне самому выбирать свою судьбу. Хорошо? А учусь я, кстати, на бюджетном. Да и стараюсь подрабатывать, на свои нужды нахожу деньги сам. Стараюсь помочь тебе, как могу.

— Вот ты как заговорил? — сделав нарочито ошарашенное лицо, покачала головою мать, — Видно-видно её влияние.

Она сделала ударение на слове «её», давая понять каково её мнение об этой девке. Егор закатил глаза:

— Мам, не начинай. Юлия прекрасная девушка — воспитанная, много читает, очень грамотная, если можно так выразиться, ну то есть, интеллигентная. Да и вообще, она поступила на высшее! Через пять лет она тоже станет врачом.

— Через пять лет, — хмыкнула мать, — А ты что же, всё это время будешь её ждать? Она ведь, как я понимаю, не в нашем городе учится?

— Нет, в Журавлёвске.

— У-у, да это у чёрта на куличках! Кто её знает, что она там творит и с кем шатается, а ты после — женись, ну-ну. Подбирай всякую грязь.

— Мама, — уже раздражённо повысил голос Егор, — Никто не давал тебе права оскорблять совершенно незнакомого тебе человека! Прекрати, пожалуйста!

Вика, вытаращив глаза, наблюдала за перебранкой. Никогда ещё не видела она своего спокойного, учтвого и послушного брата таким, как сейчас.

— А ты чего уши развесила? — прикрикнула на неё мать, — Иди отсюда!

— Но мы же ужинать собирались, — протянула в недоумении Вика.

— Собирались! Скажи братцу спасибо, довёл мать, — она присела на табурет, вытерла лицо полотенцем, обмахнулась, — Значит, Юлька эта из той самой деревни?

— Не из деревни, а из районного города. А сейчас живёт в Журавлёвске и учится в медицинском.

— Знала бы, чем это обернётся, ни за что бы тебя не отпустила в эту мухосрань, будь она неладна эта практика, — не слушая ответ сына, произнесла, сетуя и всхлипывая, мать, — Надо было мне полагать, что в этом колхозе за тебя какая-нибудь прощельга ухватится. Молодой, перспективный, симпатичный молодой человек. А деревенские они такие. Пронырливые.

— Никто за меня не хватался, мама, не нагнетай. И вообще, вы сами с отцом приехали из деревни, ведь так? Что стыдного в том, чтобы быть деревенским? Глупости какие-то. Средние века.

— Вика, иди пока к себе, позову! — строго сказала мать, и, дождавшись, пока дочь, пожав плечами, выйдет из кухни, склонилась к сыну и зашептала, — Егор, а ну, как на духу мне скажи — у вас что-нибудь было?

— Мама!

— Не мамкай, говори!

— Ничего у нас не было, что за вопросы? Мне уже двадцать лет. Я что, отчитываться должен перед тобой?

Мать выдохнула:

— Слава те, Господи, хоть в койку к тебе прыгнуть не успела. Точно говоришь?

— Да точно, точно, — Егор уже вовсю злился.

— Ну, ладно, — мать внезапно успокоилась, — Хорошо. Время покажет, что да как. Давай, зови сестрёнку, ужинать станем.

С того дня мать, как это ни странно, ни словом больше не обмолвилась о Юлии. А когда на землю пришла зима, и снег покрыл всё пуховой периной, Юля вдруг перестала отвечать на его письма и звонки. Егор не находил себе места, ведь после того разговора с матерью, он понял, что нужно что-то предпринимать и устроился на подработку в больницу, медбратом. Было тяжело, но за это платили больше, чем на прошлой подработке, да и всё в дело шло — как-никак хорошая практика. Он уже отложил сумму на то, чтобы снять отдельное жильё, и разузнал в университете, как можно перевестись к ним из Журавлёвска. Подготовив почву, чтобы не показаться Юлии пустобрёхом, Егор намеревался сообщить ей о положении вещей, что у него всё готово, и он ждёт её, и хочет быть с ней. Только с ней одной. Будут пока жить вместе, а как только он окончит университет и начнёт работать, сыграют свадьбу, а впрочем, они могут хоть сейчас расписаться, если Юля не будет настаивать на торжестве. И вдруг такой неожиданный поворот — девушка замолчала. Ни писем, ни звонков, ни смс. Почтовый ящик встречал Егора сиротливой пустотой, напрасно он караулил каждый день. Ни весточки, ни слова... Только белый снег, метели и выюги, что заметали город, сковывая его льдом, так же, как и сердце Егора. Что могло случиться, он не понимал? Трубку Юлия не брала, на письма и смс не отвечала.

Так прошла зима, а весной неожиданно пришло письмо от Юлии. В нём была всего одна строка: «Я выхожу замуж». В тот день Егор впервые за пять лет прогулял учёбу и напился (тоже впервые в жизни) до потери сознания. Что было дальше и как наступило лето, он не помнил, жил в каком-то бреду. Учёбу он кое-как закончил, всё-таки последний курс, госэкзамены, некогда расслабляться — он уже на финишной прямой. Было тяжело, ни о чём не думалось, но на автомате Егор вытянул, ведь все эти годы он был в числе лучших студентов. И вот, заветный диплом у него в руках, а ему неожиданно поступило приглашение от известного кардиологического центра столицы для прохождения стажировки, куда приглашали всего двоих выпускников из их университета, и Егор попал в их число. Мать радостно носилась по квартире, собирая сыну вещи и попутно наставляя его и давая ценные указания. Тот слушал вполуха.

— Мама, что я сам собраться не могу?

— Да я что, я ничего, так — помочь. Поезжай-поезжай, вот радость-то, какой же ты у меня молодец, как я тобой горжусь!

Спустя неделю Егор уехал в Москву, чтобы набираться опыта у будущих коллег и обучаться мастерству врачевания на практике.

Глава 5

Местный телефон зазвонил как раз в тот момент, когда над зданием больницы разразился оглушительный грохот и голубая вспышка молнии осветила ночь за окном.

— Кардиология, — Егор Андреич поднял трубку, прервавшись от тревожащих душу воспоминаний.

— Егор Андреич, — раздался голос дежурной медсестры со стойки ресепшена приёмного покоя, — Тут по скорой поступает мужчина с улицы, похоже — ваш пациент. Аппендицит под вопросом, но хирург его уже осмотрел, по его части всё спокойно.

— Иду, — доктор отставил в сторону чашку с недопитым, уже холодным, кофе и вышел из кабинета.

Вернулся он только через час, когда ночное небо извергало из клубящихся над городом туч потоки дождя, хлеставшие с шумом по стёклам, словно желая разбить их и ворваться внутрь.

Егор Андреич опустил на диван, вытянул уставшие ноги, откинул голову назад и прикрыл глаза. Посидев так буквально несколько минут, он достал из кармана телефон, полистал вкладки. Смс от жены, ещё два часа назад, как он его пропустил? Видимо, в спешке отметил прочитанным. «Мне завтра дежурство поставили. Не задерживайся». Сухо и коротко. Егор Андреич посмотрел на время, поздно уже, но ответить-то надо. «Хорошо. После планёрки сразу домой», — отписался он и отложил телефон. Встал и прошёл к столу, включил электрический чайник. С женой они теперь почти всегда так и общаются — через редкие смс. И те по делу — «купи, отвези, забери, заплати, не забудь». Простого человеческого общения практически не осталось. Только на глазах у детей, не сговариваясь, делают вид, что у них всё в порядке. Не хотят ранить их. У тех сейчас идёт сложный подростковый период. И без того «кусачие» стали. Иногда Егору Андреичу казалось, что это не его жизнь, а чья-то чужая, а его занесло сюда случайно, когда кто-то там, наверху, бросил игральные кости и они случайно определили его судьбу. А быть может все так живут и зря он что-то надумал себе? Чувства уходят (если они и были изначально), остаются лишь общие обязанности, быт и привычки, связывающие двух чужих уже по сути людей. И они живут, потому-что это... удобно. Да, именно удобно. А чувства — кто-то находит их на стороне, кто-то на дне бутылки, кто-то без ума ударяется в развитие детей, кто-то в религию. В общем, делают всё, лишь бы заткнуть эту дыру в душе, из которой льётся чёрная пустота. В дверь постучали.

— Войдите! — пригласил Егор Андреич, думая кто бы это мог быть.

В приоткрывшейся щели показалось знакомое лицо.

— Степан Афанасьевич? — удивился доктор, — Что случилось? Вы почему не спите?

— Успеется, — коротко ответил старик, — Можно?

— Проходите, — приглашающим жестом Егор Андреич указал на диван.

Дед вошёл бодрой, не по возрасту, походкой, присел на диван, устал на доктора взгляд пронизательных, голубых, как льдинки, глаз. Кашлянул.

— Вы себя плохо чувствуете? — спросил врач, подходя ближе и привычным жестом кладя пальцы на запястье пациента.

Пульс был ровным, стабильным и не вызывающим никаких опасений.

— В порядке я, — ответил дед, — А выспаться и дома успею. Дождь какой вон льёт. В такие ночи мне не спится. Опасливое это время. Шныряют всякие туда-сюда. Пригляд нужен.

Егор Андреич, успокоившийся, было, с возобновившимся беспокойством глянул на старика. «Что-то он заговариваться стал. Не замечал за ним такого. Возраст, наверное, или же побочка от арниовака. Редко, но бывает такое. Помнится, лежала у меня одна пациентка»... Но его мысли были прерваны внезапно набравшим силу голосом Степана Афанасьевича.

— Вот что, Егор Андреич, я вокруг да около ходить не стану. Зачем я к тебе пришёл, ты знаешь. Я тебе уже тогда, в палате, сказал обо всём. Нынче мне домой уезжать. Боюсь, пропадёшь ты, Егор Андреич. Прикипел ты мне к душе, славный ты человек, оттого и не смолчал я. Ты-то думаешь, что дед умом тронулся, заблажил. Только мне от твоего мнения всё одно — ни жарко, ни холодно. Так что можешь думать про меня, что хошь, а я всё равно своё слово непрощенное скажу. Засосало тебя болото, в которое не по своей воле ты вляпался, Егор Андреич. Бывает, что люди сами на грех идут, с нечистой силой связываются — кто гадает-ворожит, кто заговоры, не знаячи, мелет без разбору, кто на погосте непотребу творит. Тех не жаль, сами сунулись, куды неведомо. Поделом. А у тебя другой случай. Не ты, а на тебя напали. Эва, сидит, пялится на меня, да я тебя не боюсь, — дед показал кому-то за спиной Егора Андреича кукиш и дунул, прикусив кончик языка.

«Дела-а-а, — подумал Егор Андреич, потянувшись к телефону, — Пора коллег вызывать».

— Ты с этим повремени, — дед перехватил руку врача, — Если эти ребятки приедут, то мне опять же — ровно. Ну, проверят, да и отпустят с миром, потому как не по их я профилю. Хотя ты и думаешь иначе. А вот ты, Егор Андреич, совета моего дельного не узнаешь. Так что посиди-ка ты и послухай, что я скажу.

— Степан Афанасьевич, мне идти нужно.

— Никуда тебе не нужно, сиди, — отрезал дед, — Не веришь ты мне, оно и понятно. Лярва-то голову твою точит, иначе думать не даёт. Жена тебе сделала, — без обиняков продолжил он, — Лярва и вид её имеет. Хочешь, расскажу, какова она, супружница твоя? Ростом невысока, худощава, волосы пониже плеч, цвета русого, глаза водянистые, цепкие, а сердце хитрое, изворотливое. Мягко стелет да жёстко спать. На устах мёд, а в заднице жало. Родинка у неё на правой щеке, аккурат вот здесь.

Степан Афанасьевич ткнул себе пальцем сбоку от носа и Егор Андреич отшатнулся.

— Вот, откуда бы мне её знать, верно? А всё потому, что лярва эта, которая от присухи образовалась, да к тебе присосалась, чтобы ты не шибко головой-то мог работать, ибо не нужно этого твоей Томе, на неё и похожа. Так ведь её зовут?

— Откуда вы...

— Неважно, — отмахнулся дед, — Всё равно не поверишь. Расскажи лучше, давно выпивать начал?

— Степан, — начал, было, Егор Андреич...

Но дед поднял вверх руку, в глазах его отразилась вспышка молнии за окном, и этот потусторонний блеск заставил Егора Андреича замолчать.

— Вот что, Егор Андреич, забудь сейчас о том, что ты врач, а я пациент. Мы сейчас просто два человека. Равные промеж собою. Только мне видно поболее твоего. Покуда ты меня лечил, я не спорил, потому как ты в этом деле мастер. А уж теперь дай мне слово сказать о том, в чём ты не силен и не ведаешь. Много времени твоего я не отниму, а пользу принесу. Может прояснится малость в мозгах-то. Слушай. Я тебе расскажу, а ты исправишь, коли что не эдак скажу. Женился ты без любви. Понесла твоя Тамара, верно?

Егор Андреич кивнул.

— Но это ты думаешь, что поступил, как жентельмен. Та причина — внешняя была. Если бы дело только в ребёнке было, вы бы долго вместе не прожили, потому как не было у вас любви никогда, ни с твоей, ни с её стороны. Ты-то, конечно, думаешь, что была любовь, да просто прошла, как у всех бывает — остыла, поутихла. Да и колет опять же, гордость мужская, что поймали тебя, как кролика в силки. Хочется же думать, что любила она тебя. Только я не баба, чтобы здесь цапкать да вокруг ходить, что вижу, то и говорю. Никогда Тамара тебя не любила. И тогда и по сей день шла своей дорогой, и делала всё под себя. А теперь уже не особо она в тебе и нуждается. Ты на её пути свою миссию выполнил. Дом построил, квартиру

купил. Две дочери у вас. Сын ещё должен был быть, да Тамарка твоя не лыком шита. Она тебе про него и не сказала, сама меры приняла, стравила ещё в утробе, потому что в деле этом она мастерица, сама докторица, верно говорю?

Егор Андреич кивнул, размышляя, откуда этот дед всё прознал, надо же, каков проныра. Не иначе, как кто-то из персонала ему сболтнул, а остальное дед уже сам сочинил. Ну что ж, послушаем, что он ещё скажет. Однако же, некая тень сомнения едким червячком уже вгрызлась в сердце — маячила мысль, что в словах старика не так уж и много безумия и попытки показаться великим знахарем.

— Степан Афанасьевич, а вы что же, колдун что ли? — спросил он вслух.

Тот аж поморщился:

— Слово-то какое... не колдун я, а ведун. Вроде ведьмы. Только в мужском обличье. А ты мне, кстати, на вопрос не ответил — давно выпивать начал?

— Да я всегда позволял себе немного, — ответил доктор.

— Я не о том баю. В одиночестве ты вино пьёшь, и мысли в этот момент у тебя, ох, какие недобрые. Признайся, о смерти думал? Думал, можешь и не говорить. Ниточки-то вон совсем короткие остались. Почти уже притянули тебя на тот свет.

Старик вновь кивнул за спину врача.

— Она ж тебя как кукловод за верёвочки держит.

— Кто?

— Жена твоя. Думаешь, ты только так, как она тебе позволит. Делает то, что она допустит. Ни больше, ни меньше. Волю твою в кулаке держит, не гляди, что тощая да серенькая с виду, а внутри оборотень это. Выгоду свою не упустит. Думаешь, отчего в тебе такое раздражение и злость, когда я про неё сказываю? Потому, что выдрессировали тебя своими присухами, как собаку, чтоб выслуживался ты и команды знал. И ты защищаешь теперь своего «хозяина», как преданный пёс, даже если для других он будет подлым и плохим человеком. В твоих глазах задача — охранять хозяина, быть верным. Только мало-помалу съедает тебя эта грязь. У всего есть свой срок. У таких дел тоже. Во-первых, бесам своя плата нужна, во-вторых, ежели хозяину надоело или выгоды более нет держать пса возле себя, то он это дело закончит, ну, а в-третьих, жёнка твоя присуху делала на то, что у бабонек каждой месяц бывает, а сейчас с этим делом у неё... как бы сказать, перебои пошли. Возраст приближается. Она ведь тебя на четыре года старше, так? Но она не лыком шита, кой-чего ещё придумала, затейница. Ты, Егор Андреич, дома-то поищи хорошенько. Может чего и найдёшь странное.

— Что же это?

— Этого не знаю, но должно быть что-то, с тобою связанное. А как найдёшь — руками не трожь. Сгреби чем-нибудь на бумагу, аль в пакет.

— А потом? — Егор Андреич сам не заметил, как стал прислушиваться к словам старика.

— По уму, так ко мне бы надо приехать, — потербил бороду Степан Афанасьевич, — Но, ежели, не поедешь, то хотя бы в текучую воду брось. Хотя это мало поможет.

— Ерунда какая-то, — пробормотал доктор.

— Ерунда это для тех, кто не сталкивался, или оморочен, как ты. Тыкаешься, что слепой котёнок, а выхода не найдёшь. Закрыли тебе глаза шорами.

— Да зачем это всё моей жене? — Егор Андреич и впрямь почувствовал нарастающее раздражение, — Привороты какие-то, колдовство, чушь собачья. Вы что, денег от меня хотите, Степан Афанасьевич?

— Денег мне твоих не нать, — спокойно ответил старик, — Мне в них нужды нет. Всё у меня имеется — и дом, и одежда, и хлеб на столе. От чистого сердца я к тебе. А уж прислушаться к моему совету или нет, тебе решать. Жизнь твоя. Хочешь — так и живи дальше под колпаком. Только знай, недолго тебе эдак прыгать на верёвочках. Эва они, короткие вовсе. А про луну я тебя не зря спрашивал давеча. У Тамары твоей на молодой луне женское бывает,

оттого в это время тебе хуже всего. Лявва тебя с утроенной силой жрать принимается. В такие моменты и жить тебе не хочется, и вином ты пытаешься думки свои заглушить, и прошлое всё чаще вспоминаешь. Ведь вспоминаешь же про ту, которую до сих пор забыть не можешь?

Егор Андреич молчал, глядя на деда, и ничего не отвечая. Если про семью его он мог разузнать у персонала, то про прошлое не знал никто. И не мог знать. Но дед смотрел пытливо:

— Сбежать хочешь, уехать, всякие ходы рассчитываешь. Только знай, от этого не убежишь.

Он в третий раз кивнул за спину Егора Андреича, и у того пробежал по плечам холодок.

— Она повсюду за тобой пойдёт. А к ней уже и несколько других поналипли. Свет — к свету, тьма — к тьме. Много у тебя на душе нехорошего, Егор Андреич, а всё потому, что эти твари питаются самым гадостным, самым мерзким. В общем, ежели надумаешь чего, приезжай ко мне, в Rogozino. Я всегда на месте. А «макара» -то пока из сейфа не доставай, раз в году говорят и палка стреляет. В опасные ты игры играешь, Егор Андреич.

Того обдало жаром — не далее, как несколько дней назад, он проводил очередную ночь в компании бутылки виски. И вновь, по какой-то необъяснимой тяге, доставал пистолет, что хранил дома в сейфе, и в нездоровом возбуждении и азарте подолгу держал его в руках, наслаждаясь его весом и прохладой, в невероятном желании прижать его к своему виску и нажать на курок, и едва пересиливая этот порыв.

Степан Афанасьевич поднялся с дивана.

— Там человека привезли. — он кивнул куда-то в сторону. — Я пойду. А ты, Егор Андреич, ежели что надумаешь, приезжай. Платы я ни с кого не беру, а уж с тебя тем паче не возьму. Чем смогу — помогу. Ежели успею. Времени у тебя в обрез.

— Что же, умру, я, значит скоро?

— Скоро, — кивнул старик, — С год, ну два от силы тебе осталось. А жизнь она, эх, какая хорошая. Недюже её заканчивать раньше того срока, что там, наверху, отмерили.

Дед подошёл к выходу, обернулся на Егора Андреича, шепнул что-то, снова дунул, и прикрыл за собой дверь. В ту же минуту зазвонил местный телефон.

— Кардиология, — осипшим голосом ответил Егор Андреич.

— Мужчина поступил, по сопроводительному идёт, как нарушение ритма.

— Иду, — доктор положил трубку и, секунду помедлив, быстро вышел из кабинета.

Глава 6

Тамара

Дверца машины хлопнула сильнее, чем этого требовалось бы для того, чтобы её закрыть. Женщина заняла место водителя, нервно бросила на пассажирское сиденье чёрную сумочку, и вставила ключ зажигания. Нажав на педаль газа, она тут же резко затормозила и выругалась — под колёса машины выскочила, невесть откуда взявшаяся, чёрная кошка, испуганно кинулась в сторону, и тут же исчезла в зарослях мальв на противоположной стороне тротуара. Женщина закрыла глаза, выдохнула и, осмотревшись, продолжила движение, выехав через арку на оживлённый проспект. Несмотря на раннее утро, солнце уже палило в полную силу, испаряя с асфальта ночную влагу после обрушившегося на город ливня. В воздухе витали запахи сырой земли, скошенной накануне дворником травы, смеси выхлопных газов отъезжающих машин и разномастной парфюмерии — от самой дешёвой, с соседнего рынка, до селективной. Жители соседних домов торопились по работам и делам, пытаясь разъехаться друг с другом на узкой дороге, двор постепенно пустел. На одной из скамеек уже заняли своё рабочее место, заступив на дежурство, две остроносые старушки. Они чинно уселись, постелив под мягкое место и спину нарочно для этого заготовленные коврики (чувствовалось, что к посиделкам бабушки готовились основательно), и приготовились к обсуждению глобальных событий, таких, к примеру, как: откуда это возвращалась вчера так поздно Танька из пятидесят второй квартиры, что пронёс в большой тяжёлой сумке Григорий Иванович из двенадцатой, или же что это за новый хахаль подвозил Маринку с третьего этажа, ведь только надясь был совсем другой, а тут на тебе. В общем, дел у подружек было много и сейчас, поздоровавшись с Тамарой, и, проводив взглядом автомобиль, они живо заговорили.

— Ты глянь, чуть кошку не задавила, не глядит вовсе под колёсы, чтой-то она нынче нервная какая-то.

— Она уж давно такая, видать с Егором-то не больно хорошо живут.

— Да ну, ты чего, такая интеллигентная семья — оба врачи, девочки их такие вежливые, всегда здороваются.

— Да как бы не так, ты дальше носа своего не видишь что ли? Тамара с виду только вся эдакая угодливая, а глаза глядят, что у змеи, а что до девок ихих, так старшенькая-то у них гожая, а вот младшая оторви да брось — видела я на днях, как она матери отвечала, одно слово избаловали меньшую.

— Чего не баловать, живут в достатке, тут кого не спроси, все жалуются, а глянешь — вона весь двор в машинах. Да всё как-то иномарки.

— И не бай-ко, Михална. Вот в наше время...

Тамара переоделась в ослепительно белый халат и направилась в ординаторскую. Ей предстояло провести сегодня сутки в отделении гинекологии, в котором она трудилась более десяти лет. Поначалу, после окончания университета, она работала в той же больнице, что и Егор, там они собственно и познакомились, а позже она перевелась в новый открывшийся в их городе многопрофильный стационар. Поздоровавшись с коллегами и обменявшись дежурными фразами, Тамара села за свой стол, взяла в руки папку с историями болезни своих пациенток, открыла, пробежала глазами по новеньким, поступившим ночью. Нужно будет осмотреть их на кресле и скорректировать назначения дежурного врача. Женщина постучала пальцами по столешнице — сегодня всё её раздражало. Наверное, это гормоны. Хотя, как знать, в последний год начались сбои в работе организма, несмотря на принимаемые ею меры, чтобы продлить молодость. Она, конечно же, была ещё молода, сорок пять в наше время — это вообще

не возраст. Однако же, генетику никуда не денешь, а у матери и бабушки «женское» закончилось рано, практически в её годы. На внешность Тамара не жаловалась — миниатюрная от природы — ей не требовалось больших усилий, чтобы выглядеть моложе своих лет. Особым уходом она не заморачивалась, одевалась так, как удобно, макияжем не злоупотребляла. Ей всегда давали меньше, чем есть на самом деле. Небольшая сеточка морщин у глаз, заломы носогубки легко можно было исправить у косметолога, но Тамара была далека от этого. Она не привыкла уделять образу много времени. Всё у неё было только по делу, по сути. Хваткая она была и цепкая. Эти качества прекрасно помогали ей по жизни. Хрупкая внешность Тамары обманывала многих, усыпляла бдительность. Она казалась милым беззащитным воробушком, до тех пор, пока тебе не приходилось столкнуться с ней вблизи. Узнав её лучше, ты уже понимал, что вежливая улыбка не более, чем маска. Внутри же это был отточенный и чёткий механизм, который жёстко добивался своих целей любыми способами, а миловидное личико весьма способствовало в получении доверия наивных людишек. Сейчас же настроение Тамары было отнюдь не радужным — вот уже около полугода она обдумывала положение семейных дел. И всё больше склонялась к мысли, что не стоит торопиться, скоро всё закончится само. А пока она подождёт, она ведь всегда была расчётливой, мудрой и терпеливой. Только как же хочется скорее получить возможность открыто иметь отношения с Ильясом, а не прятаться по углам, как малолетки. Тем более он-то уже давно в разводе, и им мешает только Егор и некоторые дела, ради которых пока приходится «продлять» срок действия того, что она сделала пятнадцать лет назад. Как же это ей всё осточертело! Егор. Тамара задумалась, вспомнив, как всё у них начиналось, но тут же отмахнулась — некогда витать в облаках, работать нужно, и она, поправив шапочку, направилась на обход.

Все молоденькие медсёстры и докторицы в больнице только и говорили, что про новенького кардиолога, двадцатичетырёхлетнего Егора Андреевича. Тамара отнеслась к разговорам скептически. Она давно привыкла, что все серьёзные отношения обходят её почему-то стороной. За свои почти тридцать лет она, естественно, пыталась устроить личную жизнь, но она словно была проклятой, едва ей начинало казаться, что дело идёт к свадьбе, как мужчина просто исчезал из её жизни. Поэтому все нынешние настроения незамужних медсестёр она пропускала мимо ушей. Но, когда она однажды столкнулась с Егором Андреечем на общепольничной планёрке, то мнение её круто изменилось. Нет, Амур не пронзил стрелой её сердце. Это случилось с ней лишь однажды, когда ей было семнадцать, но первое хлёсткое чувство было растоптано вместе с девственностью. После этого Тамара долго не могла подпустить к себе никого из мужчин, а когда это всё же случилось, то вновь всё закончилось тем, что её приятель попросту испарился. Она не понимала, что отталкивает мужчин своим холодным равнодушием и чёрствостью, расчётливостью и скрытой в глубине души завистью ко всем счастливым людям, она не замечала в себе этого, а если и замечала, то принимала за целеустремлённость и упорство. Нет, Тамара просто определила, что этот мужчина станет отличным мужем. И она должна в этот раз добиться своего. В тот день они перекинулись с Егором парой фраз, а уже через неделю Тамара Викторовна заглянула вечером в кардиологию, чтобы «посоветоваться» насчёт одной своей пациентки. Егор Андрееч был весьма вежлив и ответил на все вопросы коллеги, а также пригласил её пациентку на консультацию завтра прямо с утра. Тамара, конечно же, привела женщину самолично, пустив попутно в ход всё своё обаяние.

Чем-то она неувлимо была похожа на Юлию, которую Егор до сих пор хранил в сердце. Но всё же, то, что было схожим при первом беглом взгляде на обеих девушек, совершенно отличалось по своему характеру, стоило лишь копнуть глубже. Хрупкость и изящность Юлии в Тамаре замещались на хилость и худосочность, искренняя улыбка и дружелюбие первой были лишь вынужденной маской у второй, а доброе и открытое расположение Юлии к людям сме-

нялось в Тамаре на актёрское амплуа, весьма талантливо исполняемое лишь ради достижения своих целей. Но вряд ли молодой мужчина, неопытный в общении с противоположным полом, и так желающий, наконец, обрести своё счастье, мог разглядеть эти тонкие грани между кривдой и правдой. А потому, уже спустя месяц они с Тамарой оказались в одной постели, в которой, правда, Тамара всегда была резко консервативна, но ради соблазна потенциального супруга (а именно его и разглядела она в Егоре), молодая докторша всё же, скрепя сердцем, постаралась сделать вид, что весьма легка на всяческие выдумки и затеи. Пробормотав что-то о том, что она вообще-то гинеколог и потому он не должен заморачиваться о последствиях, через два месяца встреч, Тамара с удовольствием увидела две полоски на сделанном с утра тесте, и тут же объявила об этом Егору, набрав его номер. Довольная произведённым эффектом, она прошептала в трубку:

— Вечером увидимся.

Однако, разговор случился не очень приятным. Нет, Егор не стал обвинять Тамару в обмане, и даже сразу же объявил о том, что ребёнка, конечно же, признаёт и не отказывается. Но вот заветного «выходи за меня» не последовало. Раздражённая Тамара задала вопрос без обиняков, но Егор промолчал, отвернувшись к окну, видно было, что он в растерянности, и она, не дождавшись ответа, ушла.

— Ничего, никуда не денется, — процедила она себе под нос, — Он слишком правильный для того, чтобы оставить меня теперь.

Шли дни, Егор был заботлив, внимателен, но замуж так и не звал. В выходные Тамара решила ехать к родителям в деревню, откуда она была родом, чтобы всё обдумать. Несколько часов дороги в душном автобусе утомили её, Тамару мучило и всё раздражало больше, чем обычно. Но она всегда умела тщательно скрывать своё отношение к миру. Большая удмуртская деревня жила своей жизнью. Тамара вышла на остановке и вдохнула чистый воздух. Здесь прошло её детство. И отсюда она уехала поступать в медуниверситет, чтобы не возвращаться обратно. Да, здесь, конечно, экология и всё такое, но Тамара точно знала, чего она хочет. А хотела она устроить свою жизнь так, чтобы вышло всем на зависть. Только вот всё никак не выходило отчего-то. Родители встретили с радостью. После баньки с дороги и сытного ужина отец прилёг, устал на работе, а мать, с подозрением глядя на дочь, завела разговор:

— Тамара, ты что-то не с лица совсем. Случилось чего?

— Случилось, мама. Беременна я.

Мать ахнула, прижала ладонь к губам.

— Погоди, а отец-то кто?

— Врач один из нашей больницы.

— И что же он, жениться не собирается?

— Женится, никуда не денется. Он слишком старомоден и порядочен, чтобы этого не сделать, — отрезала Тамара.

— Так что же, он, выходит, уже сделал тебе предложение?

— Нет, мама. Для этого я и здесь. Надо ему помочь немного, а то нерешительный чересчур, — и Тамара криво усмехнулась, а мать, не сводя с дочери внимательного взгляда, вдруг понимающе кивнула и ответила ей такой же загадочной полуулыбкой.

— Верно говоришь, доча. Тем более и способов для этого много. Ложись-ка спать, завтра сходим с тобой до бабы Шуры. Она в этих делах толк знает. А может... и без этого обойдётся? Ведь говоришь порядочный.

— Мама, у меня тридцатник на носу! — взвизгнула тонко дочь, — О чём ты говоришь? И пузо вон скоро туда же ползет. Некогда мне ждать, пока он расшатается. Пойдём с утра.

— Ну, как скажешь. Ты хоть любишь его?

Тамара ответила лишь кривым смешком, и, поведя плечом, развернулась:

— Я спать, мам, мне теперь отдых нужен. И ты ложись.

Вскоре мать погасила в доме свет и легла в постель, где уже сопел супруг.

— Ничего, — подумала она, — Не она первая, не она последняя. К бабке Шуре вон каждый день за этим делом едут. Приворот, так приворот. Значит, так тому и быть.

Глава 7

Тамара с матерью остановились у невысокого домишка, скрытого от любопытных глаз густыми зарослями пыльной вишни и чахлах рыжих лилий, росших в палисаднике из облезлого штaketника. Мать потянула на себя ручку деревянных, покосившихся ворот, но те оказались запертыми.

— Вот это да, — удивилась она, — Всегда у бабы Шуры открыто бывало, и не помню, чтоб она запиралась когда-то, даже если в город уезжала. Что ж делать-то? В палисадник разве зайти, в окно постучать?

Мать так и сделала. Но никакого ответа не последовало.

— Хоть через забор лезь, — оправдалась она, пожимая плечами, словно ей было стыдно за то, что всё идёт не по плану.

— Мама, — прошипела сквозь зубы Тамара, — Я врач вообще-то, и через забор не полезу. Хочешь, чтобы тут уже через час вся деревня об этом болтала?

— Да я что, я так к слову, — мать посмотрела на зеленоватое лицо дочери, — Сейчас, погоди, придумаем что-нибудь. Вот старая ведьма, удумала тоже, заткнулась на засов, чего ей в голову взбрело? Дурная баба.

И мать пошла вдоль забора, кумекая, как бы им попасть внутрь. В том, что бабка Шура была дома, она не сомневалась — в щель ворот она заприметила корявую клюку, стоявшую в углу крыльца, без которой старуха никогда не выходила из дома. Значит, тут она.

— Мама, — зашипела змеей Тамарка, — Давай скорее, вон, уже Тарасовы в окно пялятся. В доме напротив и правда колыхнулась занавеска на одном из окон.

— Я, по-твоему, что, сломать должна эти ворота что ли? — огрызнулась мать, но обернувшись на измождённую физиономию дочери, замолчала. — О, глянь-ка, тут доска не прибита, аккуратно пролезем, — радостно воскликнула вдруг женщина и махнула дочери рукой.

Спустя минуту они уже стояли в душных, пропахших яблоками и козым духом, сенцах. Бабка Шура держала коз.

— Бабка Шура, дома ли? — мать, повысив голос, позвала хозяйку, пытаясь рассмотреть хоть что-то через сетчатую занавеску, висевшую в проёме двери от мух.

В ответ снова ни раздалось ни слова. Мать поджала губы и недовольно хмыкнув, вошла без приглашения. Тамара последовала за ней. Бабка Шура сидела за кухонным столом и не спеша чистила отварную картофелину, затем макала её в блюде с подсолнечным маслом и солью, и откусывая беззубым ртом по кусочку, чавкая, смачно жевала.

— Кхе-кхе, здравствуйте, баб Шура, — поздоровалась мать, — А мы вот пришли, а у тебя заперто. Стучали-стучали. Ты, видать, не слыхала.

— Коли не отворят, значит, не хотят вас тут видеть, што непонятного-то? — бабка, не переставая жевать, и не глядя в их сторону, собрала со стола в ладошку картофельные очистки и метнула их в печь.

Мать покосилась на Тамарку, глаза той сделались злыми и взгляд говорил о том, что старуха просто обнаглела.

— Баб Шур, да как же? — продолжила мать, — Мы ведь по делу к тебе.

— Ясен пень, што по делу, ко мне по другой причине и не ходють, — прошамкала старуха, на вид которой можно было дать все двести лет, выглядела она, как сушёная мумия, однако же, движения её и взгляд красноречиво говорили о её недюжинном здоровье, — Знаю я ваше дело.

Она склонилась под стол и погладила морщинистой костлявой дланью кота, видом своим казавшимся ровесницей бабки — таким же драным и беззубым, но одновременно юрким и остроглазым.

«Как Баба Яга из сказки», — подумалось Тамарке.

— А я можа она и ессь, — хохотнула старуха и Тамарка вспыхнула.

«Вот старая ведьма, неужели мысли читает?» — подумала она, а вслух сказала, — Баба Шура, раз так, то вы знаете, зачем мы к вам пришли. Может, обсудим тогда наше дело?

— Наше? Не наше это дело, а ваше, — усмехнулась старуха, — Чай не я к вам, а вы ко мне пожаловали. Да ещё через забор пролезли, не погнушались.

— Баба Шура, — уже разозлилась мать, — К тебе каждый день с такими делами ходят, и всех ты принимаешь. Ну, чего ты с нами-то заерепенилась, что не так? Чай тоже отплатим, не думай.

— Откуда тебе знать — кому я отказываю, а кому нет? — бабка уставилась на мать, а Тамара вздрогнула.

Один глаз у бабки заплыл бельмом, другой же смотрел зорко и жгуче, за двоих.

«Какое дикое сочетание», — подумала она, но намерения и решимости своей не утратила.

— Так что же, не поможешь ты нам? — спросила мать.

— Помогу, — неожиданно согласилась баба Шура, — Она ведь от своего не отступится.

Старуха кивнула на Тамарку, вытерла руки об засаленное полотенце, перекинутое через спинку стула, кивнула ей:

— Идём уж, коли така настойчива. Далеко пойдёшь, по головам пошагаешь, коли понадобится.

Тамара стиснула зубы, чтобы не ответить бабке, что она думает о ней, но сдержалась, ей нужен был результат.

— А ты, — старуха остановилась и обернулась на мать, — Ступай, покамест, во дворе посиди. Мы сами тут потолкуем.

Мать кивнула и поспешно, покуда бабка не передумала, удалилась из избы. Тамара осталась с бабкой Шурой вдвоём.

Потрёпанный жизнью кот уселся на стуле и с любопытством наблюдал за ней, всем своим насмешливым взглядом словно говоря — ну и дура ты, Тамарка, сама не знаешь, во что лезешь. В избе у бабки пахло старыми книгами, пылью и жареным луком. Облезлый плюшевый ковёр с оленями на стене, кровать с металлическими шишечками, тканые половички на полу, жёлтые занавески на низко расположенных окошках, герань на подоконниках, стол, покрытый красной бархатной скатертью, бывшей в моде лет сорок назад, да печь в пол избы — вот и всё убранство. В углу растулилось тёмное древнее трюмо с таким мутным зеркалом, что Тамарка удивилась — какой в нём вообще прок? Подумав о том, как консервативны все старики в этом возрасте, она тут же задалась другим вопросом — а сколько же бабке Шуре лет? Она выглядела сейчас точно так же, как и в её детстве, когда босоногая Тамарка бегала по пыльной улице, гоняя мяч с мальчишками. От запахов накатила тошнота и Тамара прикрыла глаза.

— Садись, — старуха указала на стул у стола, и она послушно села.

«Не перечить, тогда всё скорее закончится, и я смогу выйти на свежий воздух», — подумала она.

— Што? — прошамкала бабка, — Припёрло тебе?

— Что значит — припёрло? — повела плечом Тамара, но тут же осеклась, — Ну да, в положении я.

— Взамуж надоть?

— В него, — кивнула Тамара, еле сдерживая рвотный позыв.

— Дак он и так на тебе женится, — старуха села напротив, положив усталые руки на стол, — Нашто связываться с тёмными силами?

— Поторопить надо, время идёт, а он как телок ходит, ни туда, ни сюда, — пожаловалась Тамара.

— Говорю тебе, Тамарка — он и так на тебе женится. Только проживёте вы недолго. Год да ещё половинку. Потому как не любит он тебе. Другая у него на сердце. И крепко сидит она там. Любит он её очень. Но ведь ты-то останешься с честным именем, замужем побывала, дитё родила при муже. Что ищишь? Начто ворожить?

— Нет. Мне не надо, чтобы он ушёл через год, — насупилась Тамара, — Что же я, одна должна ребёнка тянуть? Вот уж здарсьте-пожалуйста, радость мне тоже.

— Он не оставит ребёнка, хорошо станет помогать, за то не бойсь, — ответила старуха раскладывая на столе какие-то цветные камушки и старый, с костяной рукояткой, нож.

— Баба Шура, — не выдержала Тамара, — Тебе что, жалко что ли? Не пойму я тебя. Отговариваешь меня зачем-то, будто я первая к тебе с такой просьбой пришла.

Старуха посмотрела на неё зорким глазом и Тамаре показалось, что во втором, подёрнутом пеленой глазу, шевельнулось что-то инородное, живущее своей отдельной от старухи жизнью. Она вздрогнула и смолкла.

— Я ж вас не зря пускать-то не хотела. Ворота заперла, едва увидела, что вы по улице идёте. Нехорошо ты удумала, Тамарка. Да, идут ко мне бабы, да и мужики идут, чаво скрывать? Но они ЛЮБЯТ тех, кого присушить хотят. Хотя всё одно — дело это дурное. Но тех хоть оправдать можно. Страдают они шибко, любят. Хоть и не любовь это по сути своей. Любовь — это желать счастья тому, кого любишь, а не лишать его свободы, забирая волю. А ты пришла, не любя. Ведь не нужен он тебе! Холодно сердце твоё, мёртво вовсе. Врач ентот и так на тебе женится. Робёнка признает. Через годик разойдётесь, и всё ладом будет. Хорошо ли подумала, что хочешь неволю ему сделать? Ты не забывай, што плату никто не отменял. Али думаешь, што ежели ты мне денег принесла, то и откупилась, и твой грешок теперь на меня ляжет? — Старуха захохотала. — Не-е-ет, милая, дело-то тёмное никуда от тебя не уйдёт. Я-то за свои дела отвечу, но и твой час придёт. На другого не переложить того, что с тебя должно взяться.

Острый, пронзительный глаз уставился на Тамару, и время будто замерло. Старуха тяжело дышала, склонившись к ней через стол. Холодок пробежал по спине Тамары, но привыкшая держать чувства в узде и не показывать их окружающим, она коротко кивнула:

— Делаем, что надо.

— Ну, гляди сама, — резко сделавшись равнодушной, улыбнулась нехорошо бабка Шура и потянулась к ножу, положила его между собою и Тамарой, — Тебе решать. Значит так, само верно средство присушить мужчину так, чтобы он как телок тебе в рот смотрел и собственной башкой не думал — это на женскую кровь сделать. Но это покамест не твой вариант. Потому сделаю я чичас кой-чего другое, на время, чтобы он, так сказать, поскорее исполнил то, что тебе надобно. А уж после, как родишь, да в силу войдёшь — приедешь ко мне снова. Я тебя научу, как на кровь присуху сделать. И тогда он навеки от тебя не отвяжется. Даже если и умом понимать будет, не сможет уйтить. Только ту присуху подделывать надобно. Обновлять, то бишь. Сама это делать станешь.

— Хорошо, — Тамара кивнула.

— Не передумала?

— Нет.

— Тогда обернись и посмотри вон туда, — старуха указала рукой на трюмо, — Это будет залогом нашего уговора.

Тамара, не понимая, что там ещё хочет учудить старая ведьма, обернулась к зеркалу и обомлела — тёмная муть подёрнулась рябью, как серая гладь воды в ветреный день. А после кто-то провёл по зеркалу с той стороны, стерев волны серым длинным рукавом, и Тамара увидела того, кто находился по ту сторону стекла. Это была она сама, но только гораздо старше. Глаза той, зазеркальной Тамары, смотрели колко и холодно. Она улыбнулась, и рот её разъехался до самых ушей, жутко и противоестественно. Тамара вжалась в стул, забыв, как дышать. А её двойник протянул руку, и та легко прошла сквозь мутное стекло, выпроставшись из зер-

кала наружу, рука через всю комнату потянулась к столу, за которым сидела Тамара, растягиваясь будто каучуковая лента. Тамара замерла, не в силах встать и убежать. Рука дошла до неё и остановилась в нескольких сантиметрах от лица, а затем, застыв на мгновение, рванулась вперёд и накрыла ладонью лицо настоящей Тамары.

Глава 8

Когда Тамара пришла в себя, она увидела, что по-прежнему сидит на стуле перед бабкой. Та что-то деловито перебирала на бархатной скатёрке, совершенно не замечая Тамарку, словно той и не было тут. Высыпав из большой коробки какие-то бумажные кульки, старуха разложила их перед собою и, посплюнявив палец, перелистывала пожелтевшие от времени страницы старой книги, лежавшей перед нею на столе. Тамара поморщилась, потрясла головой, стряхивая остатки пелены с сознания, и пугливо огляделась.

— А где эта?... Из зеркала.

— О, очнулась? — старуха подняла на гостью глаза.

Сейчас её второй, подёрнутый белой плёнкой глаз, был совершенно обычным — ничего потустороннего в нём не чудилось. Здоровым глазом бабка Шура уставилась на Тамарку.

— А я гляжу, сомлела ты чавой-то. Ну да, в твоём положении тако бывает. Не мне тебя учить, чай.

Бабка хохотнула и, отсыпав из нескольких кулёчков тёмно-бурого порошка на газетный обрывок, ловко скрутила его в треугольник.

— На вот, держи, заваришь с этой травкой чай — врач твой всё сделает, что захошь. Тем паче шибко-то просить и не надо. Готов он жениться, я уж сказала тебе.

Тамара боязливо покосилась на трюмо. Оно стало совершенно обычным, мутная гладь его отражала убогую обстановку комнаты, искажая и превращая мебель и людей в размытые пятна.

— А где эта? Которая в зеркале была?

— Ты о ком это, девонька? — удивилась бабка, почти искренне, но Тамара уловила в её реакции хорошо разыгранное притворство, — Окромя нас с тобою туточки нет никого. Разве что вон, Василий мой.

Она кивнула на кота, который крепко спал, изредка подёргивая ухом, когда мимо пролетала одинокая муха, заблудившаяся в избе и никак не соображавшая, как ей найти выход.

— Баба Шура, вы же знаете о чём я! Там, в зеркале отражение было, женщина, а потом она руку протянула и меня коснулась и я сознание потеряла.

— Да бох с тобою, девонька, никакой женчины не было тут. Приблизнилось тебе. Говорю — сомлела ты. Бываить... Бери вот травку, с чаем смешай, мужика своо напои ею. И всё как надо устроится. Да не забудь. Как родишь дитё-то, да первая кровь появится, так ко мне приезжай. Сделаю, что обещала.

Тамара поднялась на нетвёрдые ноги, снова замутило, голова кружилась.

— У, да тебе совсем развезло, — посетовала бабка, — Можя чаю?

Тамарка сфокусировала взгляд на кухонном столе, виднеющемся через порог, на столе громоздились друг на дружке несколько, немых со времён пришествия Христа, чашек и отрицательно помотала головой.

— Ну ступай, ступай тады, — напутствовала бабка, подталкивая её к выходу.

— А заговор? — слабо поинтересовалась Тамарка.

— Какой заговор? — удивилась та.

— Ну, как же... Чтоб отвар подействовал, — неуверенно высказалась Тамара.

Бабка хохотнула:

— Всё бы вам заговоры читать, и так подействует, не бойсь. Я свою работу знаю. Ступай себе. Провожать не пойду. Ворота сами там отоприте, да выходите, можете не запирать за собой.

Она махнула рукой, похожей на костлявую птичью лапку, и захлопнула дверь. Тамара осталась стоять в сенцах. Она нащупала в потёмках ногой свои сандалии, обулась и толк-

нула входную дверь на улицу. В какой-то миг показалось ей, что бабка Шура разговаривает с кем-то в избе. «Да мало ли, старые люди порой беседуют сами с собой», — подумалось Тamarке, которая уже занесла ногу над ступенью. Но вдруг она остановилась и кожа её покрылась мурашками. Бабке кто-то отвечал. Женский голос, высокий и так похожий на её собственный. Тamarка метнулась обратно к двери, ведущей в избу, прижалась к ней ухом, вслушиваясь, но ни звука больше не донеслось с той стороны и, подождав немного, она выдохнула и вышла на крыльцо.

— Ну что там? Сделала бабка, что надо? — подскочила тут же мать, в нетерпении поджидавшая её, сидя на коряжистом пне, притулившемся у покосившейся сараюшки.

— Да, всё нормально, — вяло ответила Тamarка, внезапная слабость накатила на неё, и хотелось только одного — лечь в постель и спать, спать, спать...

Всё прошло даже лучше, чем Тamarка ожидала. Вернувшись в город, она в первый же день пригласила Егора к себе, на съёмную квартиру, и сделала так, как велела бабка Шура. На следующий день Егор встретил её после работы с коробочкой, в которой блестело заветное колечко. Свадьба была скромная, принимая во внимание состояние невесты (она сослалась на неважное самочувствие), и потому отметили торжество в кругу близких друзей и родственников в небольшом кафе. Мать Егора, Инесса Павловна, поздравлявшая молодых, улыбающаяся и счастливая, тайком глядела на невесту сына с некой тревогой и необъяснимым чувством отвращения в душе. Отчего оно возникло, она не могла объяснить даже себе. Да, невеста старше, но ничего, выглядит она хорошо и внешне эта разница абсолютно незаметна. К тому же Тamarка — врач, а не как эта, как её там?... Инесса Павловна нахмурила лоб — а, Юлька, точно, медсестра. Слава Богу, что она сумела вовремя вмешаться в эти отношения и оградить сына от наглой провинциалки, желающей за счёт Егора покорить столицу и устроить личную жизнь. Сын и не догадался о том, что это её рук дело. Нахалка отстала от её сына. Но отчего же на душе так беспокойно? «Да ерунда, — отмахнулась она от навязчивых мыслей, — Это всё от волнения. Чай не каждый день сын женится». И она подняла бокал за молодых, а назойливый червь всё точил и точил изнутри, как ни старалась она его придавить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.